

Иван Ильин

**КНИГА РАЗДУМИЙ
И ТИХИХ СОЗЕРЦАНИЙ**

Москва
Апостол веры
2016

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 12-123-2391

Сборник объединяет две книги известного русского философа И.А. Ильина (1883—1954) «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий» и «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний». В них он попытался ответить на вопросы, которые ставит жизнь перед каждым из нас. Это своего рода «путеводитель» и «пособие» для человека, идущего по жизненной стезе, где встречаются не только радости, но и невзгоды, страдания, сомнения, душевные муки и терзания...

Издательство выражает благодарность художникам Александру и Сайде Афониным за предоставленные иллюстративные материалы для оформления книги.

На первой обложке — Сайда Афонина.

Преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские.

На второй обложке — Александр Афонин.

Голгофа Русского Севера.

ISBN 5-98628-008-3

©«Апостол веры»

(ИП Семенец И.Ю.), 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

О чтении

Каждый писатель тревожится о том, как его будут читать. Поймут ли? Увидят ли то, что он хотел показать? Почувствуют ли то, что любило его сердце? И кто будет его читатель? От этого зависит так много... И прежде всего — состоится ли у него желанная духовная встреча с теми далекими, но близкими, для которых он втайне писал свою книгу?

Дело в том, что далеко не все читающие владеют искусством чтения: глаза бегают по буквам, «из букв вечно выходит какое-нибудь слово» (Гоголь)¹, и всякое слово «что-нибудь да значит»; слова и их значения связываются друг с другом, и читатель представляет себе что-то — «подержанное», расплывчатое, иногда непонятное, иногда приятно-мимолетное, что быстро уносится в позабытое прошлое... И это называется «чтением». Механизм без духа. Безответственная забава. «Невинное» развле-

чение. А на самом деле — культура верхоглядства и поток пошлости.

Такого «чтения» ни один писатель себе не желает. Таких «читателей» мы все опасаемся. Ибо настоящее чтение происходит совсем иначе и имеет совсем иной смысл...

Как возникло, как созрело написанное?

Кто-то жил, любил, страдал и наслаждался; наблюдал, думал, желал, надеялся и отчаивался. И захотелось ему поведать нам о чем-то таком, что *для всех* нас важно, что нам необходимо духовно увидеть, прочувствовать, продумать и усвоить. Значит — что-то *значительное* о чем-то важном и *драгоценном*. И вот он начал отыскивать верные образы, ясно-глубокие мысли и точные слова. Это было не легко, удавалось не всегда и не сразу. Ответственный писатель вынашивает свою книгу долго, годами, иногда — всю жизнь; не расстаётся с нею ни днем ни ночью; отдает ей свои лучшие силы, свои вдохновенные часы; «болеет» ее темой и «исцеляется» писанием. Ищет сразу и правды, и красоты, и «точности»² (по слову Пушкина), и верного стиля, и верного ритма, и всё для того, чтобы рассказать, не искажая, видение своего сердца... И, наконец, произведение готово. Последний просмотр строгим, зорким глазом; последние исправления — и книга отрывается и уходит к читателю — неизвестному, далекому,

может быть, легковесно-капризному, может быть, враждебно-придирчивому... Уходит — без него, без автора. Он выключает себя и оставляет читателя со своею книгою наедине.

И вот мы, читатели, беремся за эту книгу. Перед нами накопление чувств, постижений, идей, образов, волевых разрядов, указаний, призывов, доказательств, целое здание духа, которое дается нам прикровенно, как бы при помощи шифра. Оно скрыто за этими черными мертвыми крючочками, за этими общеизвестными, поблекшими словами, за этими общедоступными образами, за этими отвлеченными понятиями. Жизнь, яркость, силу, смысл, дух — должен из-за них добыть *сам читатель*. Он должен воссоздать в себе созданное автором; и если он не умеет, не хочет и не сделает этого, то *за него* не сделает этого никто: все будет его «чтение», и книга пройдет мимо него. Обычно думают, что чтение доступно всякому грамотному... Но, к сожалению, это совсем не так. Почему?

Потому, что настоящий читатель отдает книге свое свободное внимание, все свои душевные способности и свое умение вызывать в себе ту верную духовную установку, которая необходима для понимания *этой* книги. Настоящее чтение не сводится к бегству напечатанных слов через сознание; оно требует со-

средоточенного внимания и твердого желания верно услышать голос автора. Одного рассудка и пустого воображения для чтения недостаточно. Надо *чувствовать сердцем и созерцать из сердца*. Надо пережить страсть — страстным чувством; надо переживать драму и трагедию — живую волею; в нежном лирическом стихотворении надо внять всем вздохам, встрепетать своею нежностью, взглянуть во все глубины и дали, а великая идея может потребовать не более и не менее, как *всего* человека.

Это означает, что читатель призван верно воспроизвести в себе душевный и духовный акт писателя, зажить этим актом и доверчиво отдаться ему. Только при этом условии состоится желанная встреча между обоими, и читателю откроется то важное и значительное, чем болел и над чем трудился писатель. Истинное чтение есть своего рода *художественное ясно-видение*, которое призвано и способно верно и полно воспроизвести духовные видения другого человека, жить в них, наслаждаться ими и обогащаться ими. Искусство чтения побеждает одиночество, разлуку, даль и эпоху. Это есть сила духа — оживлять буквы, раскрывать перспективу образов и смысла за словами, заполнять внутренние «пространства» души, созерцать нематериальное, отождествляться с неизвестными или даже умершими людьми и

вместе с автором художественно и мыслительно постигать сущность богозданного мира.

Читать — значит *искать и находить*: ибо читатель как бы отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей его полноте и присвоить его себе. Это есть *творческий* процесс, ибо воспроизводить — значит творить. Это есть борьба за духовную встречу; это есть *свободное единение* с тем, кто впервые приобрел и закопал искомый клад. И тому, кто никогда этого не добивался и не переживал, всегда будет казаться, что от него требуют невозможного.

Искусство чтения надо приобретать и выработать в себе. Чтение должно быть углубленно; оно должно стать творческим и созерцательным. И только тогда нам всем откроется его духовная ценность и его душеобразующая сила. Тогда мы поймем, что следует читать и чего читать не стоит, ибо есть чтение, углубляющее душу человека и строящее его характер, а есть чтение разлагающее и обессиливающее.

По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, *что* он читает; и каждый человек есть то, как он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтенного, — как бы букетом собранных нами в чтении цветов...

Книга, для которой я пишу это предисловие, выношена в сердце, написана от сердца и говорит о сердечном пении. Поэтому ее нельзя понять в бессердечном чтении. Но я верю, что она найдет своих читателей, которые верно поймут ее и увидят, что она написана для русских о России.

**Я ВГЛЯДЫВАЮСЬ
В ЖИЗНЬ
•
КНИГА РАЗДУМИЙ**

ТЯГОТЫ ЖИЗНИ

1. СКУКА

(Из письма)

Там, где всё кажется безутешным, утешение уже стоит у порога. Прислушайся, оно стучится в дверь... Открой ему без промедления, ибо оно несет тебе самое лучшее — самоё себя.

Что может быть безутешнее скуки? Кто знает, откуда она берется? Но вот она уже здесь. Жизнь становится внезапно такой бедной, такой бесцветной, такой сухой и такой чужой. Ничто не привлекает, ничто не радует, ничто не приветствует меня ни тут, ни там. Всюду только увядшая трава, серые камни, мертвая пустыня жизни. Время становится пустым и тянется медленно. Всё сущее оставляет меня равнодушным; а то, что должно занять его место, — неопределенно: я этого не знаю... Напрасно я брожу в потемках: всё «не то». Но ведь я остался тем же самым; значит, это мир, это он сделался скучным. Мир банален и низок; слишком бана-

лен и слишком низок для меня; он ничего не может мне предложить. И моя скука только подтверждает мое «духовное превосходство»...

О, жалкое утешение! Едва ты почувствовал радость от собственного превосходства, как скука тут же исчезает, между тем она утверждается навсегда, уплотняясь, делается жизненной установкой и мрачно светится из твоих глаз высокомерием и жестокой душевной депрессией. Нет, истинное утешение приходит из глубин твоего собственного духа!

Источник скуки — не в мире, а в тебе. На какое-то время ты устал от жизни; оставь, не принуждай себя, любовь проснется сама по себе... Может быть, ты слишком сильно любил? Или твоя любовь не находила ответа? Или ты сам помешал своей любви? Или у тебя не хватило воли для любви?.. Короче, твоя любовь ушла; она повернулась к миру спиной и больше не дарит себя. Молчат желания; сердце не хочет больше петь — ни Богу, ни идолу, и кажется, мир потерял свою прелесть.

Душа без желаний всматривается в мир, глядит на него без любви и именно поэтому находит его жалким и скучным.

Но мир совсем не таков: природа, как всегда, полна чудесных тайн; человек, как всегда, полон страсти и стремлений, запутан, божествен и инфернален¹ одновременно, в целом — несрав-

ненное зрелище! Мир остался таким же, что и был. Бездейтельно только твое желание; и ты называешь это бездействие «скукой». Но в действительности скука — лишь только взгляд вокруг в поисках утешения, исцеления, нового желания, новых ценностей. И прежде всего — новой любви к ближнему, к твоему народу, к Богу.

Надо прежде всего найти в себе мужество перенести скуку: переноси ее спокойно, она исчезнет сама по себе, когда возродится любовь.

Но это не должно быть слишком долгим... Скука должна быть краткой, ведь и сама жизнь слишком коротка для долгой скуки.

Скука подобна темным очкам; она искажает мир, однако дает отдохновение оку сердца. Но довольно, око отдохнуло, прочь очки, чтобы снова смеялись солнце и краски! Смотри и радуйся!

Есть особое искусство: примириться с сущим, творчески соединиться с ним, вновь найти отправную точку и отдаться ему.

Есть особое искусство: преобразиться и всегда находить новое в старом, ценность в, казалось бы, обесцененном, любимое — в безразличном.

Есть особое искусство: всегда что-то любить и чего-то хотеть. И это должно быть тем, *что не может разочаровать.*

Этому учит скука. Это — средство от скуки. Это ее утешение: ведь скука сама утешение.

2. БЕССОННИЦА

Вы страдаете бессонницей? Безутешное состояние! Как нам избавиться от него? Как нам справиться с ним?

Но только не торопитесь с «избавлением»! Ничто в жизни не бывает напрасным. И болезнь тоже. И бессонница тоже. Всё целесообразно, всё служит таинственному предназначению, из всего должно извлечь урок. Всё несет нам свой дар. Было бы неумным уклоняться от этого дара. Почему не принять его? Нетерпеливый произвол — вот кто жаждет немедленно «уйти» от неприятного. Жизненная мудрость поступает наоборот: она хочет принять, и не-при-ятность тоже! А может быть, самый дорогой — как раз дар неприятного... Всё, что хочет высказаться, должно непременно высказаться. Вот объявляет о себе бессонница... Добро пожаловать! Только никакого страха перед ней... Иначе душа будет скована судорогой. Только не надо ее превозмогать... Иначе она будет упрямо утверждаться. Сон всегда приходит легко. Вот и мы пойдем навстречу бессоннице самой легкой поступью... И примем от нее ее дары и уроки.

У нашего произвола есть предел — это первый урок бессонницы. Никто из нас не является неограниченным властелином своей жизни.

Напротив, нам приходится считаться с непреложными данностями нашего естества; мы должны приспособиться и покориться им, чтобы *Божественное начало* в нас вернулось к жизни, чтобы *Оно* в нас обрело творческое равновесие, чтобы *Оно* обрело покой. Если мы не сделаем этого, мы потеряем здоровье, равновесие, сон до тех пор, пока они снова не восстановятся «через себя самого». «Через себя самого» — так звучит глубокое, меткое слово Аристотеля... Ну, а теперь нам следует подождать, пока сон не наладится сам собой. Не волнуйтесь! Бессонница походит на скуку: она здесь, только чтобы отступить. Она останется лишь до тех пор, пока не окрепнет жажда сна.

Так что лучшее средство помощи сну заключается в том, чтобы не мешать бессоннице, предаться ей, испытать ее как *поднесенный кубок*. Лучше всего забыть, что пора или даже давно пора спать; совсем не думать о своей бессоннице, о ее возможных последствиях и так далее, а чистосердечно и непосредственно отдаться содержаниям жизни, которые бесцеремонно вторгаются к нам и прогоняют сон. Пусть приходит, что хочет; пусть распутается весь клубок идей и аффектов. Остальной мир может спать. Я отдаюсь своей бессоннице и ее скрытым содержаниям, для которых у меня «нет времени» в течение дня. Я остаюсь наедине с собою...

Так бессонница приносит мне свой второй дар — способность вынести *одиночество*. Там, где все покинули меня; где все, уйдя в себя, забыли целый мир и меня; где я совсем один, предоставленный самому себе, лежу и уверен в том, что только я в состоянии себе помочь, — начинается необычная, отторгнутая и напряженная жизнь. Эта жизнь зачастую слишком интенсивна, чтобы сделаться скучной; напротив, она часто так неожиданна и поразительна, что во мне просыпается настоящее любопытство; и зачастую так полна смысла, что я ощущаю себя в суровой школе одиночества, самостоятельности и самообладания. Ах, сколько людей на свете, которые только бессонными ночами впервые почувствовали и осознали свое душевное и духовное одиночество, только из этого, по-видимому, столь безутешного одиночества воззвали к *Богу на небесах* и нашли его! Потому что Он стоит ближе всех к страдающему бессонницей. Там, где жизнь кажется совершенно безутешною, сразу же появляется утешение. Там, где, казалось бы, гибнешь в своем одиночестве, легче всего находишь дорогу к Богу. А это ведь несомненно благороднейшее утешение и ценнейший дар...

А теперь — третий ценный дар бессонницы. В этом ночном бодрствовании учишься представлять себе и подслушивать скрытые смыслы

собственных неосознанных и полуосознанных тайников. И не только огорчений и оскорблений бодрственного дня; но также и ошибок, грехов и ран потаенного Я — есмь. И не только их, но также и святые и исцеляющие лучи света *совести*. Ибо ничто так не располагает и так не предназначено для восприятия этих лучей света, как сумеречное состояние полумрака бессонницы. Там, где погас дневной свет и свет сознания, где накапливается и повышается способность воспринимать внутренние лучи и где мрачная картина повседневной жизни тоскует по *новому, несказанному свету*... Ах, есть так много людей, которые только в бессонные ночи пережили просветляющее благо мук совести и исцеляющее благословение раскаяния, одинокого, горького, примиряющего раскаяния! Это ли не драгоценный дар? Это ли не утешение, возникшее из безутешности? Правы ли трусливые люди, пытающиеся избежать этих даров и этого утешения и прибегающие из страха появиться утром «бледными»... к лекарствам?

Бессонница учит нас мужеству. Мужеству перед лицом природы, перед самим собой, перед своей совестью. Мужеству для пребывания в одиночестве и *для воздания молитвы*.

Это ее последний дар и ее лучшее утешение.

3. ЗАБОТА

Если бы только можно было избавиться от забот! Если бы только иметь беззаботную жизнь! Но это, к сожалению, невозможно...

Почему же это так невозможно? Нужно только преодолеть заботу! Для этого надо лишь немного духовной свободы!

Человек никогда не бывает до конца удовлетворен. В нем всегда возникают новые стремления, всегда громоздятся новые желания и новые потребности. Достаточно ему лишь заглянуть в будущее или подумать о «завтра-послезавтра», как начинают бурно разрастаться сорняки заботы. Ибо будущее всегда туманно; и кто знает, что поджидает меня завтра-послезавтра? А в мире буржуазной самостоятельности и самообеспечения, где каждый думает о себе, и только о самом себе, где никто не думает о другом, где всё вокруг так адски жестоко хозяйничает, — там системой жизни становится неуверенность, а неприятный, неожиданный случай — властелином будней. Забота держит всех нас в цепких когтях. Как мусор на улице, подхваченный и несомый порывом ветра, она входит к нам в открытое окно будущего. Так было всегда, так будет всегда. Что можно здесь «преодолеть»?

Будущее остается, остаются и потребности, и неуверенность не исчезнет. Вот окончательно

разоблачен и большой обман коммунизма: ибо его попытка упразднения неуверенности, обеспечения всех и удовлетворения всех потребностей создала как раз прямо противоположное. Еще никогда и нигде, как только под игом этого централизованного безумия, не была так ужасающая общая неуверенность, настолько неслыханна всеобщая нищета, так удручающе бремя лишений. Только в том смысле он «обеспечивает» всех, что топит всех в «изнурительной заботе»...

Короче говоря, надо примириться с «неуверенностью», «нуждой» и «будущим». Но чтобы вынести их, надо научиться их преодолевать. С чего начать?

Начинают с будущего: повернувшись к нему спиной. Ищут утешения в прошлом, непреходящем, в вечности; и не только созерцательно, но и творчески. Прекрасное прошлое твоего Отечества, твоего народа — разве оно тебе не дорого? Великое прошлое других народов и стран — разве оно тебе ничего не говорит? Великолепный ход движения созвездий там, наверху, раннее прошлое нашей планеты, история животного и растительного мира — это богатство Божественного творения, которое ждет твоего наблюдения и твоего исследования, спасет тебя от твоей заботы. Всякий прекрасный образ искусства, всякая математическая проблема — вне времени и вырывают тебя из напол-

ненного страхами и заботами будущего, дают тебе покой и отдых. Устремись в глубины человеческого духа с книгой Лейбница, Шеллинга или Гегеля в руках; или еще лучше — обрати свой взор ввысь, к Богу, — и ты обретишь вечность. И тогда ты покажешься себе таким несчастным, как ездовая собака твоего сомнительного будущего, как верблюд с грузом твоих проклятых забот.

Однако это освобождение от заботы может быть еще и завершено.

В заботе кроются, собственно, два начала. Во-первых, то, в чем ты нуждаешься, о чем ты должен заботиться, то есть содержание твоих забот; и, во-вторых, — твой страх. Да, страх пред неуверенностью в жизни. Впрочем, пусть неуверенность остается; пропáсть должен страх перед нею. Пусть и нужда остается; но нельзя, чтобы она мучила и терзала тебя. Человек тем более унижен, связан, даже парализован, тем слабее для осуществления своей цели в жизни, составляющей содержание его заботы, чем сильнее заботящий его страх. Занимайся своим насущным без заботы, тогда ты справишься с ним в три раза лучше. Страх, зреющий в заботе, утомляет душу и вредит делу; так что пусть забота улетает. Подумай только: что было бы наихудшим? Лишения? И перспектива лишиться чего-то парализует и сковывает тебя?

Отнимает у тебя силу, мужество, достоинство и досуг?

Забота всегда мелочна и близорука, ты погрязнешь в ней. Она хочет скрыть от нас великие, Божественные жизненные цели. Забота увязает в мелочах, в жалких «здесь» и «теперь», в расплывающемся и исчезающем. Она — настоящий враг творческого восторга и вдохновения. Она разделяет людей, враждующих из-за своих противоречивых забот. Она возникает, как пыль, и распылает жизнь и людей. Она печется о том, чтобы мы стали корыстными и мелочными. Мы должны научиться ее преодолевать.

И только заботливая мать остается для нас вечно любимой: ибо она заботится о других и тем самым облагораживает заботу любовью.

4. БУДНИ

Они — сплошная беспробудность. Вечная забота. Тягучая скука. Непрестанный шум, время от времени прерываемый очередной неудачей. О, плохое настроение! А понедельник — это прообраз будней.

Да, тогда дело с жизнью обстоит плохо! Но нельзя перекладывать вину за это на «жизнь». У тебя не хватает искусства жить; было бы глупо ожидать, что жизнь устроит тебе торжественный прием. Так что твори сам и преображайся, иначе

будни одолеют тебя. А в жизни нет большего стыда, чем быть побежденным — и не великаном, не могущественными врагами, не болезнью, а серую повседневностью существования.

Итак — искусство жизни!

Прежде всего: спокойно и мужественно смотреть в глаза врагу! Нам никогда не избавиться от будней. Они будут всегда. Они составляют материю нашей жизни. И если праздник служит лишь тому, чтобы, подобно молнии, осветить серость будней и обличить повседневность, то он нам вреден и мы недостойны его. Только тот заслужил радость праздника, кто полюбил свои будни. Как этого добиться?

Этого можно достичь, отыскав *священный смысл* в своей будничной работе, погрузив его в глубину сердца и осветив и воспламенив повседневность лучом его света. Это первое требование, даже первооснова искусства жизни. Что есть ты во Вселенной? Каковы твои деяния перед Отечеством? Каким предстаешь ты пред Лицом Божиим с твоей будничной работой? Что воздаешь ты Ему, Господу?

Ты еще этого не уяснил? Ты еще этого не знаешь? Как же ты живешь? Бессмысленно, слепо, тупо и бессловесно? Тогда легко постичь «сплошную беспробудность» твоих будней. И скуку, и плохое настроение, и всё, им сопутствующее.

Нельзя слепо воспринимать ежедневный труд как лишенную смысла работу по принуждению, как галерную пытку, как муку от зарплаты до зарплаты. Надо одуматься. Надо понять серьезный смысл своей профессии и заботиться о ней во имя ее высокого смысла. Надо серьезно отнестись к самому себе, а значит, и к собственной профессии, и к собственным будням. Будни остаются, но их необходимо *преобразить изнутри*. Они должны наполниться *смыслом*, ожить, стать многоцветными; а не оставаться «сплошной беспробудностью».

Бессмысленно — это безрадостно. Человек создан так, что не может жить безрадостно. Тот, кто кажется живущим без радости, непременно выдумал себе замену радости. Радость должна, однако, вырастать из повседневного труда, пусть даже только в том смысле, что трудишься всё лучше и лучше, повышаешь качество своего труда, перемещаясь тем самым вверх по ступеням совершенствования.

Если же ты нашел *высокий смысл* твоего труда и радость в его качестве, сможешь ли ты и после этого говорить о «сплошной беспробудности»? Жизнь станет для тебя тогда светящейся нитью. И взлет в твоей жизни обеспечен. Ведь радость высвобождает творческие силы; творческие силы создают качество; а качество труда вызывает радость от труда.

Посмотри: так твои будни попадают в добрый круг духовного здоровья. И теперь для тебя нет больше тягучих будней, ибо ты предстаешь *пред Лицем Божиим* освященным и исцеленным.

5. НЕУДАЧА

Устоять пред неудачей — первое, чему должен научиться каждый. Откровенно говоря: кто не понимает этого, тот — не мужчина. Простите! Также и не женщина. Скорее всего, это — труссы обоего пола.

И тем не менее каждый из нас должен однажды сдать экзамен на свою первую большую неудачу. В честь этой первой неудачи здесь дается несколько утешительных советов.

Да, конечно, это мучительно; часто даже страшно мучительно: столько надежд, столько усилий и столько огорчений!

Итак, первое: не погрязать в неудаче; не стенать; не составлять «длинный список потерь» и не думать о них непрестанно. Предоставим зверю зализывать раны. У человека есть более достойный выход: не признавать рану души своей. И — всё.

Второе: нельзя представлять себя единственным несчастным дитятей на белом свете; ведь у каждого были неудачи, и у всех они будут. Нельзя также воображать, что эта неудача была

«фатальной» или «непоправимой». Пока жив человек, всё можно исправить, каждую неудачу можно и дол́жно обратить в успех; да, даже каждый дурной поступок может и должен быть искуплен и произрасти исцеленным в ткани раскаивающегося, творческого духа.

Третье: нельзя, чтобы неудача казалась вам «позором», особенно в чужих глазах. Существуют миллионы таких чужих глаз. Стоит только представить себе, что из миллионов глоток кричат тебе: «Позор! Позор!», чтобы никогда больше не подняться на ноги. Для того, кто свободен от этой тяжести, неудача не является позором. В неудаче человек ощущает себя, конечно, внизу, как будто он свалился с горы, как будто он лежит там обессиленный... Но поэтому нужно как можно скорее покончить с этим! Близящийся успех уже зовет тебя: ты не можешь ему изменить.

Четвертое: неудача — лучшая школа успеха. С ней надо обращаться, как с предметом тренировки, как с необходимым закаливанием; как с источником понимания и мудрости жизни; как с дорогим поучением, как с трамплином для новой борьбы. Но это означает, что неудачу нельзя отдавать на расправу оскорбленным и разочарованным чувствам, ее необходимо воспринимать с помощью воли и обращаться с ней, как с проблемой воли, и с помощью спокой-

ного исследовательского разума — как с проблемой разума. Тогда путь к успеху проложен!

Скажи себе твердо и решительно: «Задача была поставлена правильно; она осталась невыполненной; ее надо осуществить; это была лишь попытка; сейчас я снова займусь ее решением. Как мне лучше сделать это?»

Затем нужно продумать всё так, как будто это была чужая неудача, на которой надо учиться: «Откуда пришла неудача? Чего мне не хватило? Где я действовал неправильно? Возможно, неосторожно или нерешительно? Возможно, заносчиво, поспешно, бестактно?» Надо всегда спрашивать и отвечать так, как будто речь идет о добром друге, которого, к сожалению, постигла неудача и которому надо помочь словом и делом. Чтобы умолкло собственное тщеславие и своенравие; чтобы выработать привычку спокойно переносить собственные недостатки и ошибки (а возможно, и собственные грехи и пороки) и научиться смирению; чтобы научиться извлекать из неудачи не только отдельную предстоящую удачу, но и — что более важно — возможность укрепить и облагородить собственный характер. И тогда, пожалуй, пусть жизнь превратится в непрерывную неудачу: в любом несчастье, при любом промахе победитель поднимет голову. Ведь в жизни действительно существует нечто большее, чем просто жиз-

ненный успех, а именно — *духовная победа над мелочным, тщеславным поганцем в собственной душе!*

Не правда ли, этот выигрыш — не второстепенное дело, непосредственно задуманное нами? Разумеется! Но в жизни часто бывает так, что в первоначально «второстепенном деле» позже узнаешь главное. Хотелось пробиться к «удаче», а обнаружилась дорога к победе, к духовному просветлению. И победитель, возможно, будет думать о совсем иных удачах, чем те, которых ему удастся достичь, и он будет славить свою прежнюю неудачу как составляющую настоящего счастья.

Поэтому — счастья тебе! Вперед, к неудаче!

6. ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Знать бы, откуда оно берется! Если бы можно было скорее прогнать его... Но оно как погода: никто не знает, откуда, когда, почему... В отличие от погоды, для нашего меняющегося настроения нет даже предсказателей. Нужно просто покориться.

Нет, ни в коем случае! Не может быть и речи о покорности!

Плохое настроение должно нас слушаться!

Плохое настроение — это не то, что я представляю собой, не то, что происходит в глубине моей души, оно лишь обозначает, как я к этому отношусь и затем — что я даю почувствовать другим людям. Два последних обстоятельства — в нашей власти: мы распоряжаемся ими, и они должны покоряться. Кто этого еще не понял, должен по возможности скоро научиться понимать; потому что это относится к основам самообладания.

Плохое настроение возникает из внутреннего разлада, основной узел которого остается в подсознании, и его нелегко распутать. Этот разлад, или, как выражаются лечащие душу врачи, этот «конфликт», возник не вдруг; скорее всего, он сохраняется с детских лет и может внезапно оживиться или слегка обостриться. Возможно, я избавлюсь от него; однако возможно также, что я буду нести его с собою до самой смерти. Да, я буду носить его в себе и его выносить, примирюсь с его существованием, буду вынужден поставить его на службу делу, одним словом — я справлюсь с ним творчески. Боже небесный, ведь это не причина для «плохого настроения»!

На свете вряд ли найдется человек, которому не приходилось иметь дело с душевным конфликтом. У каждого он свой, и каждый хотел бы избавиться от него. Неужели поэтому у всех есть

право на плохое настроение? Должны ли все по этой причине становиться угрюмыми, ходить со злыми лицами или даже кричать друг на друга?

Внутренний разлад следует воспринимать серьезно, совершенно серьезно. Он принадлежит тому, что я есть. Он обозначает одну из моих внутренних жизненных задач. Он может обостриться, создать душевный застой, вызвать дурное настроение. Это дурное настроение остается для меня неясным, непроницаемым; оно входит в мою сознательную жизнь и в мое общее самочувствие как необъяснимый факт. Я чувствую себя подавленным, беспомощным, унылым. Из-за этого я раздражаюсь, и этому моему раздражению в виде «плохого настроения» я даю волю в обществе. Так это выглядит на самом деле. Но нельзя, чтобы так было и впредь.

Ясно, что за плохим настроением стоит конфликт. Этот конфликт нужно рассматривать как своего рода творческий заряд и обращаться с ним соответственно. Хорошо, что этот заряд есть; ведь из незаряженного орудия не выстрелишь. Совсем не страшно, что еще не удалось подчинить себе этот заряд: значит, есть задача, и ее надо разрешить. Душевный застой неприятен. Но неприятность — всего лишь скорлупа новой силы и новой жизни. Расколи орех — получишь сладкое ядро. Нет причины для дурного настроения! Однако дурное настроение есть.

Переноси его спокойно и уверенно! Ты его уже видишь насквозь. Посмотри, конфликт — это обещание, и вскоре ты уже победитель.

Ты вовсе не беспомощен. Ты обрел мужество, и подавленность пропала. Плохое настроение рассеялось.

Или еще нет? Так ты понял его творчески-интимную природу и будешь остерегаться делать сокровенное достоянием общества.

Твое личное дело, как ты относишься к своему внутреннему конфликту, к этому предчувствуемому заряду новых сил. Если ты не умеешь утвердиться внутри себя как победитель, если ты настолько неблагодарен, что, стоя перед главной задачей своей жизни, видишь лишь «трудности» и «неприятности» и становишься «угрюмым», то не выноси хотя бы на люди свою трусость! Сильный характер радуется трудностям и улыбается неприятностям. Чем труднее испытание, тем радостнее победа. Если ты еще не нашел в себе этих сил, будь тем не менее уверен, что ты их найдешь. Не можешь один — ищи помощи, но самое главное — молись: искреннюю молитву всегда услышат. Но только не обнаруживай свою преходящую слабость пред чужими!

Неприлично выбалтывать секреты; а плохое настроение совершает это. Как по-детски — плакать от боли; а плохое настроение — плакса.

Как преступно — заражать других своей болезнью; а плохое настроение — заразно.

Разве ты не знаешь, как спокойно и мило умеет улыбаться превосходящий тебя? Эта улыбка для плохого настроения невыносима.

7. БОЛЕЗНЬ

Сначала установи, действительно ли это болезнь! Жизнь нелегка, часто довольно мучительна, возможно, даже безрадостна; а наше подсознательное подобно ребенку, подобно женщине, подобно плуту: оно способно подражать любой болезни, убежать в «болезнь», играть роль «больного». Подобное невротическое состояние, несомненно, само является «болезнью», но это совсем иная болезнь: ее можно исцелить искренностью и пониманием...

Если же это действительно болезнь — никогда не ворчи, всегда прислушивайся! Она как посетитель: что он хочет от меня? Она как путешествие: куда же я попал? Она как друг, который хочет предостеречь меня: берегись, здесь ты сделал в жизни ошибку, здесь с тобою может случиться нечто серьезное.

Благодарю тебя за предостережение, дорогой друг, за то, что посещаешь меня и побуждаешь к этому путешествию. «Кто хочет путешествовать, должен уметь молчать». Так что смотри

и слушай! Оба — инстинкт и дух — должны дать знать о себе. Оба должны поведать нечто значительное; оба должны быть едины во мнении. Инстинкт должен излечить тело; дух — исцелить душу. Ведь здоровье — это одновременно здоровье души и тела; быть больным означает нуждаться одновременно в исцелении души и тела. И только Христос, наш Спаситель, ведал, как с помощью духа исцелить и душу, и тело.

Инстинкт исцеляет тело. То есть: любое лечение есть самолечение. Эту таинственную работу не могут заменить ни врач, ни лекарства. Они могут только помочь, поддержать, ободрить. Этот метод исцеления действует сам по себе, по собственному побуждению. И действует так, что не набрасывается на симптомы немедленно, чтобы их устранить; ведь они целесообразны, служат исцелению и исчезают в свое время. Инстинктивное самоисцеление и есть восстановление. Больной и врач должны самым внимательным, самым желанным образом идти навстречу этому восстановлению. Что идет ему на пользу? Отдых, покой, накопление сил, питание, воздух, тепло, хорошее настроение. И только потом остальное. И если больной умеет к себе прислушиваться, он скоро заметит, что инстинкт совершенно самостоятельно выбирает полезное («мне хочется», «мне так хотелось бы», «мне было

бы приятно») и чурается вредного («неприятно», «неловко», «отвратительно»).

Инстинкт хочет доверия. Чем самоувереннее он проявляет себя, чем послушнее ведет себя больной, тем скорее наступит исцеление.

А дух исцеляет душу. И здесь — исцеление есть самоисцеление; только не «снизу», а «сверху».

Итак, прежде всего — не брюзжать, не проклинать, не отчаиваться, как бы ни было плохо. Болезнь требует спокойной души, легкого настроения, уверенности. Еще для нее, возможно, потребуется некоторое время (она должна чуточку продлиться) и пространство (место, пребывание на курорте). Всё это ей по возможности следует предоставить. Тогда-то и начинается самое главное.

Что существенного она должна мне сказать? О моей жизни: что я не сумел хорошо ее устроить; что я не ценю здоровье как дар Божий; что я сам должен расплачиваться за свою вину в том, что заболел; что здоровье уже само по себе — счастье и радость. Вообще о жизни: что она полна прекрасного, мимо которого я до сих пор слепо и равнодушно пробежал; что она предоставляет бесчисленные возможности для любви, добра, самопожертвования и подвига, которым я, непонятно почему, дал пронестись мимо; что время спешит, и земной эпизод моей жизни отмерен; что я бездумно жил до сих пор, растра-

чивая великолепнейшие дары, и что завтра, да, уже завтра начну новую жизнь. Затем еще о страданиях: что их нужно принимать как должное, что человечество непрестанно страдает и что предназначение страдания — дать понять человеку законы творения и волю Создателя, что вообще человек через страдания приходит к отрезвлению, просветлению, к совершенствованию; что самое важное в жизни — обрести через каждое страдание частицу *истинной веры* и *истинной мудрости*.

И что дальше? Болезнь стала восстановлением, отдыхом, просветлением в жизни! А теперь вот и исцеление. Нужны ли еще утешения?

8. БЕДНОСТЬ

Где она начинается, бедность? Какой малостью должен обладать человек, чтобы считаться бедным? Кто знает?

Я часто видел богатых и даже очень богатых людей, считавших себя «бедными» и в самом деле носивших в себе это ощущение. Они страстно жаждали большего, гораздо большего; они «нуждались» в том, в чем они вовсе не нуждались; они напряженно глядели «вверх», и только «вверх», и постоянно подсчитывали, чего им еще не хватает. Ненасытный, когда насытится он?

Как помочь тому, кто забыл прекрасное слово «довольно»?

Я видел также людей в довольно стесненных обстоятельствах, считавших себя «достаточно богатыми» и в самом деле носивших в себе это ощущение. Их «состояние» было более чем скромно: они жили от зарплаты до зарплаты. И не нуждались в том, что им действительно было нужно; спокойно смотрели они «вниз» и часто подсчитывали, чего еще они должны лишиться и как много людей, которым не хватает самого необходимого. Так называемые лишения давались им легко. Они были мастерами утешения; сами же не очень нуждались и в утешении. Мне казалось всегда, что свое «состояние», или, скорее, «сокровище», они поместили куда-то в другое место. (Куда?)

Но это означает, что объективные размеры состояния не могут решить вопрос «существования в бедности». Маленький мешок скоро наполнится, но большой мешок с дырой — никогда. И еще: каждый должен решать сам для себя, «беден» ли он; другие судят об этом всегда неверно. И последнее — если ты хочешь для своих детей богатства, научи их смотреть «вниз» и легко переносить лишения, а еще вкусу к «довольно» и духовной способности помещать свое «сокровище» куда-нибудь в другое место.

Итак, на земле нет бедности вообще? — Увы! Существует двойкая бедность. Материальная — когда человек теряет работу и переживает трагедию, которая кажется ему трагедией лишнего существа на свете; когда уже не имеет силы его право на работу и на жизнь; когда он сам уже не нужен; когда он уже не может смотреть «вниз», потому что для него нет больше «низа»; когда ему уже не может помочь искусство переносить лишения и довольствоваться тем, что есть. Тогда человек беден, действительно беден; тогда это настоящая бедность.

Наряду с ней существует и духовная бедность; это когда человек не может постичь, что есть верное и прекрасное «иное место», в которое он может поместить свое истинное «состояние», свое истинное «сокровище»; когда он воспринимает речи об этом «ином месте» как глупость, с издевкой отвергая их. Из-за этого сам человек делается как бы лишним, бессмысленными становятся его жизнь и его достижения; и пока он не поймет этого, сам он едва ли нужен. Он даже не подозревает, чего в действительности лишился и куда, собственно, направляется. В этом случае человек снова беден, по-настоящему беден, но совсем в другом смысле. Вот это и есть настоящая бедность.

Но самое печальное заключается в том, что люди второго вида бедности так часто прохо-

дят холодно и гордо мимо людей первого вида бедности. Отсюда возникает безбожный, нехристианский порядок жизни. А в нем — беда и опасность сегодняшнего мира.